

Виктор Эглитис о русских и России

Борис Инфантьев

Выпускник Витебской православной духовной семинарии и Юрьевского университета, друг Ремизова и Брюсова, частый участник пиров в «Башне» Вячеслава Иванова Виктор Эглитис, как и многие его соплеменники, в свое время находил убежище и на подмосковных дачах Брюсова, и в Пензенском рисовальном училище, и в Киеве, и в Петербурге.

Обладая острым умом и весьма строптивым характером, наблюдательностью и отзывчивостью, Эглитис постоянно наблюдал, представлял выводы и заключения, не всегда соответствовавшие трезвой логике русских мыслителей, писателей, общественных деятелей.

Интересующие нас заметки писателя и мыслителя о России и русских разбросаны по различным его книгам, но в большей концентрации мы находим их в книге «Latvietis Krievijā» («Латыш в России»), откуда их и приводим.

Стр. 4.

В России все женщины — самодержцы, и мужчины вокруг них снуют толпою как быстрые исполнители их желаний, а немки в России властвуют не только над мужчинами, но и над женщинами, как только им приходит в голову.

Стр. 7.

Россия была действительно богатой страной. Разве здесь не хватало хороших жизненных условий, удобных квартир и культурной атмосферы? Положение в России казалось куда лучше и эстетичнее, чем на родине.

Необычным Гриену (персонажу, от име-

ни которого написана книга) казалось только то, что местные беженцы — латыши, прожившие здесь уже несколько месяцев, все в один голос жаловались на притворство, лживость, неуживчивость русских, на нервную склонность к переменам... На гостеприимность и отзывчивость художника Кузнецова, на которую В. Эглитис не мог пожаловаться, но совсем наоборот, он должен был [петь] песни славы гостеприимству России.

Но в дальнейшем некоторые особенности жизни и поведения русских и латышей не могли не попасть в поле зрения Гриена.

Прежде всего, как уже сказано, внимание Эглитиса привлекли некоторые местные представители интеллигенции. В сем городишке популярностью пользовался только один мужчина — управляющий имением, и то — латыш.

Заинтересованное внимание из мужчин вообще приобрел, прежде всего, русский художник Яковлев, близкий друг Коненкова, Коровина и Шаляпина, теснейшим образом связанный с постановкой оперы Римского-Корсакова о Китеж-граде.

О том, насколько Эглитис стоял близко к актуальнейшим проблемам русской эстетической мысли того времени, свидетельствуют, к примеру, пространные его рассуждения по поводу издания истории русского искусства Грабаря, а также о художниках Врубеле, Левитане, Серове.

Стр. 38.

Русский — не «муж чести». Он берет все, что не привязано. Слуги хозяевам «глаза изо

лба крадут». Торговцы один другого обманывают, растаивая в сердечных излияниях — уверениях в любви и преданности с поцелуями. И чтобы все это лучше проверить, русские до того изрядно напиваются. Поэтому к священнику-трезвеннику они относятся с недоверием, будучи в полной уверенности, что он их обманет, обкрадет.

Что-то в этом роде приписывается и нашим вещниебалтам, и неудивительно: ведь и их генеалогию выводят из русских.

Стр. 64.

Латышу Россия вообще кажется преисполненной разных чудес. Там пропадали неизмеримые богатства природы, а люди, не способные проснуться от своих злословий и сплетен, мечтаний, снов, наслаждений, ненужных споров и взаимных подсиживаний, терпели невозможную у нас нужду или утопали в золоте и бриллиантах. С одной стороны, это была типичная страна железнодорожных рабов, мучимых и истязаемых судьбою людей, которые своих мучителей почитали за благодетелей, почтительно целовали их руки, считая спасителями и благодетелями, или же в своем отчаянии вдруг восставали, разрушали целые города и округа. Но, с другой стороны, казалось, что для использования земли собственников, фабрикантов, купцов, чиновников, где для спекуляции не было ничего невозможного: по государственной железной дороге они могли перевозить, по своему усмотрению; поезда отпускать и задерживать — тысячами товарных поездов; и девятикратно поднимать цены на наши товары, когда только и как только того хотели, несмотря даже на какие-то там расценки, нескончаемые, ни на какие правительственные или самоуправленческие продовольственные комитеты, в которых отсутствовала трудовая дисциплина, трудовые способности. На некорумпированные степени кадров латыши со своими невероятными честолюбивыми отношениями к трудолюбию были вынуждены в этом своеобразном мире рабов и господ [приспособиваться], и им была необходима вторая интуитивная сноровка, чтобы не погибнуть, ибо все здесь зависело от элементарных наплывов людских существований и чувств и их отпльвов, от личных способностей выходить из создавшихся ситуаций и находить себе требуемые обоснования.

Уже из истории известна широкая натура

славян с бурями чувств и страстей, которые бушевали, элементарно уничтожая целые селения и уезды, но при этом их огромный организм были не способны ослабить чрезмерное употребление в последние десятилетия алкоголя и вошедшее [в моду] в последнее время в высших кругах чрезмерное использование сексуальных наслаждений, что сочеталось с возрождением по всей России. Русский народ, как казалось, — больной народ неврастеников, больше всего напоминавших сумасшедшие времена эпохи римских императоров, или современную Турцию, Персию, или иную древнюю восточную державу, который так и воспринимался русскими зоркими литераторами, художниками, политическими деятелями, которые завидовали дисциплинированности западных европейцев, особенно античных, но противиться своей национальной атмосфере не могли то ли из-за своей чрезвычайной любви, то ли из-за своей чисто русской склонности либо к жизни, либо к смерти, или же веря в какую-то особую миссию русского народа.

И хотя русские видели в латышах западноевропейскую культуру в своеобразном балтийско-латвийском сочетании, все же повышенное самомнение и гордыня не позволяли им это признать. Большинство русских газет к латышам относились скорее отрицательно, чем положительно.

Особенно часто латышам приходилось сталкиваться с «лучшими» русскими кругами, где господствовала безудержная распущенность в наслаждениях, — они пользовались жизнью и наслаждениями в своем насущном и предполагаемом в дальнейшем расцвете культуры.

Русские человечеству еще ничего не дали, что можно было бы поставить рядом с Гомером, Эсхилом, Данте, Шекспиром и Гете — произведениями мирового [литературного] искусства, или же рядом с Тицианом, Рубенсом, Бахом и Бетховеном — в области других искусств, и латышским поэтам и мыслителям против самомнения русских по отношению к латышам приходится закрывать рот, слыша, что мол от «Назарета они ничего хорошего не ожидают». Русские газеты присланную латышскую информацию по мифологии и статьи по истории искусства сокращали, не верили в утверждения латышских авторов или просто безжалостно бросали рукописи в

мусорный ящик. На выставках латышских художников критики жаловались на большую нашу сдержанность, мягкость красок, отсутствие «оргий красок» и широты; на концертах и оперных спектаклях — о том же самом, как будто латыши только тогда были бы хороши, когда уподоблялись бы русским — оргастам и футуристам.

В России уже давно забыты, исчезли традиции прекрасной пластики, в которой господствовала простая душевная высота, которая сообщалась в бессмертных греческих [шедеврах], а впоследствии и итальянских, и всех других западных народов, в основу которых была положена западноевропейская основа.

В своей последующей неудовлетворенности русских рецензентов было традицией отрицать особую физиономию латышского искусства, ибо ни они сами, ни их рецензенты не имели ни серьезного отношения, ни свободного времени, ни желания углубиться в прошлое латышей, в их духовные идеалы и своеобразие в культуре балтийских народов, хотя эта культура достаточно изучена, нашла отражение во всем нашем народном творчестве и теперь проявляется во всех существенных произведениях нашего современного искусства, которое процветает как на основе латышского народного творчества, так и в развитии нашей современной культуры.

Наша музыка, наша поэзия, с которой труднее всего познакомить иностранца, —

глубоко своеобразны и неповторимы в других духовных мирах.

Из книги «Juki laiki» («Смутные времена», 1923 г., стр. 60.)

Широка и богата была Русь с древнейших времен, но, как во всех славянских землях, строгого, хорошего порядка в ней не было. Абсолютная монархистская дикость там всегда чередовалась с абсолютной анархистской самовластностью, среднего пути самоуправления не было. Культурные эллины тысячами лет к северу от себя упоминали варваров-славян Далмации и Иллирии, так же как сегодня мы, балты — северные эллины, пишем о неуспокоенных дикарях, подразумевая русских, даже если они принадлежат к ученым мужам и художникам.

Только редкий славянин, если ему удалось долгие годы прожить в Западной Европе, может рассматриваться как способный отыскать золотой путь между телом и душой, испепеляющими страстями и рефлексамии разума, и осознавать излишества.

Пушкин был единственным в своем роде.

Только в искусстве, может быть, еще можно терпеть хаотический русский дух, но не в жизни, которая у них протекает как в сумасшедшем доме. Достоевский, Мусоргский, Суриков — вот подлинные славянские герои.

В статье «Slāpes pēc dvēseles» («Жажда по душе». Собр. соч. IX том, стр. 126):

Русский ренессанс расцвел только для 2000 интеллигентов, ибо у Пушкина больше читателей не было.